

Валерий Сухарев

Хором читают букварь

Околица империи

1.

Град закольный, звон колокольный,
валится тьма на дома;
женщина хнычет – девочке больно,
обе сходят с ума.

Что я там делал, улицей белой
от фонарей и снегов,
двигаюсь к ночлегу и то и дело
валясь в снежный альков,

в сугроб лицом; портрет повесят
твой, украсив стены домов;
ты была там, а я был здесь,
висел на стропиле улов.

В этой провинции все дефиниции
сводятся вот к чему:
храм и цвинтар, больница, полиция,
в школе Тургенев, «Муму».

И никому ничего здесь не светит,
будущность как фонарь
на пустыре; громогласные дети
хором читают букварь.

Ночами длинными и под лучиной
тусклую пряжу сучат
девы, и не от корявых мужчин оне
своих рожают сучат.

Здесь бесполезно кого-то бояться,
тихие все кругом;
в барской усадьбе музейные яйца
чешет, стуча сапогом,

сторож; пахнет и прочим: мышами,
лаком паркета, котом...
Не стоит здесь говорить по душам,
худо будет потом.

2.

Кадки в сенях, Богородица в красном углу,
запахи спирта и разносолов; дурную юлу
напомяная, куцый дворовый песик челу

проглотил и постарел, кусая себя за хвост,
в овине призрак встал и замерз во весь рост,
и грунтом в коровьих лепешках пестрит погост.

За месяц здесь можно сойти с ума и запеть
басом, спиться и затеряться в розной толпе
сосенок, в поповну влюбиться, освоив плеть

вместо досужего пряника, а потом позабыть,
с иной уползая в шинок или же по грибы,
и продавать на лесопилке народу косые гробы.

Отловить люля и кебабов за первые три
дня по приезде, а после – до тусклой зари
прикладывать лед к губе; а позже – считать фонари

главной улицы – до сельпо; и в доме найти
Пикуля и д'Аннунцио; и по пустому пути
к почте – трижды счесть на устах до десяти.

Не завидуй, читатель, бо тебе там не
побывать, не есть маринады, не пить вдвойне
отстоянный самогон, и не лезть к жене

егеря, что на заимке год сидит, почитай,
там у него брага, своя красота-гюльчатая,
и родного края, юннаты в шортах; проста и

понятна живучесть его, похожая на Индостан,
и думы о смерти, когда он печально пьян.
Пауки глядят исподлобья, охраняя пыльный бурьян.

Масленица

Склон был, как бритый солдатский затылок;
размахивая воздухом, колокольня
сияла своим барокко; и, наподобье бутылок,
торчали пузатые маковки, весь окольный

мир орошая дребезгом, згой грачей и звуком;
молод и пьян был звонарь, грехи заглушая
медными гласными с призвуками; длинные руки
помнили, став буквой «г», что округа большая.

Выпав за скобку серпа, молот на старом плакате
напоминал деталь от советского самоката – те,
на коленке собранные уродцы быта, что нравились Кате,
соседке по дому, красивой и убитой зимой в Воркуте.

Воротило уже от блинов, – как оперные христиане,
мы отправились в Лхассу тропой самогона,

с мнимым Лао-цзы на устах продвинутой Ани
из Вышнего Волочка, похожей на Антигону с Горгоной.

Дивная Масленица, лживая, как подруга подруги;
можно оставить как есть хорошие с виду тела,
куда-нибудь стырить себя, полоща проулки округи,
с флягой, наполненной ядом; и луна как сажа бела.

Прощеное воскресенье

Мышь учит тишине, кот – темноте,
слова и буквы – паузам на листе,
смерть – ничему, кроме удаления.
Человек кружит в завитке переулка, глух
к самому себе и, меж шагов, не вслух,
имена произносит и даты – преодоления

чужака внутри, далеких в ближних; и это
вроде гимнастики Мнемозины; с того света
памяти появляются лица, осанки, походки,
случайностью жизни стертые, страстью залитые,
точно слюной Помпеи живые стены и плиты;
подчас увильнувшие в Вечность тебе как погодки.

Они уже ничего не скажут и не подведут
к ларям и дверям разгадок, рассядутся там и тут
и станут длинно молчать, ногу на ногу, и не
будут пугать и тревожить, что призрак ночной,
как полотном экрана пользуясь темной стеной,
за каковой никого и никогда не бывало в помине.

Диалог невозможен, одни догадки и спесь
рассудка, покуда он в тонусе и роет здесь,
взыскуя общих примет и шпаргалок с того света,
где холодом дышит близь и бликует даль

мрамором; где, как в Лейденской банке, печаль –
и та одинока, но никому не расскажет об этом.

Я никого не наказывал строго, и оттого
всех простил, подмахнувши разом, и своего
не ища, как не ищет любовь земная.
Нет в том лицемерия, но и благодушия нет,
и право любви – выбирать, кого на тот свет
заберешь, себе о любивших и любящих напоминая.

* * *

Древнее, чем вид из окна, если долго жить
с видом на лес или реку, – только тоска,
в виде прохожих снов или пыли, на витражи
зрения легший; жилки червяк, что у виска,

пульсирует, особо, когда болит голова;
валерьяновые на вкус ливни занавесят окно;
в мире тесно от слов: фразы ненависти на слова
любви напалзают, как русский на немца в кино.

Заведи себе кошку... Завел. Девицу заведи...
Тоже. Но радости мало от той и другой;
сумерки хлопочут над кофе, и еще впереди
мною раздраженная ночь, пни ее ногой,

поставь на горох, на пост номер один в углу,
где перегорел торшер, как луна в облаках;
не думай, что живущему так уж надобно вглубь
себя, – там хтонический ужас, кандалы на руках

скрипача, медный шар на лодыжках стайера, что
взявшись сбежать из пункта А в пункт Z,
свалился в кювет, а по трассе летят авто,
и радужка, как от рапида, меняет цвет.

Завтрак – слово вечернее, как обещание сна
или сандалии на вырост, но ребенок болен и слег;
ну и что, что весна, и что, что в бору сосна, –
витязь-болван не распутал клубка дорог.

И когда поздравляешь с праздниками людей,
да хоть и от души, сердце дурное скрепя,
вспоминается древний грек, златоуст площадей,
говоривший – «таскать вам не перетаскать», пока скрипят

мимо жесткие дроги; на этот свет
лучше глядеть в телескоп, нежели в микроскоп:
не видно бактерий с названием «люди», и нет
желания влиться и вылиться, выжить чтоб.

Но пусть будет светел хотя бы сумрак ночной,
в комнате из-под меня – как в коробке из-под
штучной, но сношенной обуви, величиной –
на ногу Творца; и снова ночник струит свой йод.

P. S. Продолжение следует.

